

Никулин Виктор Васильевич

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ИНАКОМЫСЛИЕМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются политические и юридические меры, принимавшиеся властями против небольшевистских течений и групп в 1920-е годы. Основное внимание уделено применению юридических мер воздействия на меньшевиков и эсеров. Анализируются административно-правовые аспекты борьбы с враждебными партиями и их идеологией. Делается вывод о том, что для борьбы с политическими противниками большевики считали невозможным и нецелесообразным в полной мере применять общие правовые нормы, поэтому усиливался репрессивный аппарат, действовавший вне правовых рамок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 130-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 342.56

Юридические науки

В статье рассматриваются политические и юридические меры, принимавшиеся властями против меньшевистских течений и групп в 1920-е годы. Основное внимание уделено применению юридических мер воздействия на меньшевиков и эсеров. Анализируются административно-правовые аспекты борьбы с враждебными партиями и их идеологией. Делается вывод о том, что для борьбы с политическими противниками большевики считали невозможным и нецелесообразным в полной мере применять общие правовые нормы, поэтому усиливался репрессивный аппарат, действовавший вне правовых рамок.

Ключевые слова и фразы: большевики; инакомыслие; закон; юридические методы; судебный процесс; контрреволюционное преступление; меньшевики; эсеры; высылка; цензура.

Никулин Виктор Васильевич, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет

viktor.nikuln@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ИНАКОМЫСЛИЕМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ[©]

Переход к мирной жизни после Гражданской войны в России, смягчение режима вызвали в обществе надежду на либерализацию общественной жизни, на «политический нэп». В философии, литературе, юриспруденции происходили творческие дискуссии, что свидетельствовало о возрождении духовной жизни. Все это рассматривалось властью как угроза, направленная против режима. Отсутствие репрессий и некоторое «свободомыслие» в начале нэпа объясняется не сознательной политикой по либерализации общественной жизни, а просто запоздалой реакцией властей на начавшийся процесс ее пробуждения. Главная задача властей по-прежнему состояла в сохранении монополии легальности, которую следует понимать как политический и идеологический контроль над обществом той группы, которая стояла у власти. Для этого необходимо было жестко подавить конкурирующую идеологию. Руководство большевиков понимало, что в мирных условиях, когда требовалось возрождение экономики любой ценой, методами гражданской войны (прямое физическое насилие) действовать нельзя. Политическое насилие скрывается и маскируется, оформляется в формально-юридические формы. Этот курс проявлялся в применении различных юридических методов подавления инакомыслия и, в первую очередь, создании соответствующей законодательной основы, что наглядно проявилось при создании Уголовного кодекса (УК) 1922 г. УК всякое инакомыслие квалифицировал как «контрреволюционное преступление». Раздел «контрреволюционные преступления» содержал 16 статей (ст. 58-73), включавшие в себя обширный спектр контрреволюционных деяний: от организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний до распространения ложных слухов или непроверенных сведений в контрреволюционных целях [7].

УК 1926 г. содержал состав контрреволюционного преступления по 17 видам преступлений (ст. 58.1-58.18). Расширение произошло за счет введения статьи 58.14, квалифицировавшей как контрреволюционное преступление использование «религиозных предрассудков масс» с целью свержения власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям [8]. Наказания за контрреволюционные преступления предусматривались самые жесткие. Достаточно сказать, что и УК 1922 г., и УК 1926 г. предусматривали применение высшей меры наказания – расстрела – по большинству составов преступления. УК 1922 года – по 11 статьям (одна статья – 69-я – предусматривала повышение наказания до высшей меры при военной обстановке). УК 1926 г. – по 10 статьям (по двум статьям – 58.10 и 58.13 – повышение до расстрела при военной обстановке). Не предусматривали наличия смягчающих обстоятельств в УК 1922 г. статьи 59, 64, 67, 71. Таким образом, можно утверждать, что уголовное законодательство 1920-х годов содержало серьезную правовую основу для борьбы с инакомыслием, что активно использовалось большевиками против их политических оппонентов.

В начале 1920-х годов усилия большевиков сосредоточились главным образом на ликвидации меньшевиков и эсеров как партий. Отношение к ним, характерное как «пока мы вас терпим», резко меняется с начала 1921 года. В феврале-июне происходят аресты меньшевиков и эсеров, обвиненных в причастности к кронштадтским событиям. В феврале 1922 года В. И. Ленин в письме Д. И. Курскому настаивает на «усилении репрессий против политических врагов Советской власти (в особенности меньшевиков и эсеров), воздействии на судей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности и усиления репрессий» [2, с. 380, 401]. Цель всех этих начинаний была ясно сформулирована Зиновьевым в августе 1922 г. на XII партийной конференции: «Задача нашей партии заключается теперь в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные (эсеры, меньшевики) антисоветские партии в России» [4].

Вскоре задача организации судебного преследования «небольшевиков» переходит в практическую плоскость – стал готовиться судебный процесс против эсеров. Судебный процесс по делу эсеров длился с 8 июня по 7 августа 1922 года. Дело слушалось специальным присутствием Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Судебный процесс проходил по правилам судопроизводства, предусмотренным положением о трибуналах, хотя фактически уже были применены нормы Уголовно-процессуального кодекса, введенного в действие с 1 августа 1922 г. Председательствовал в Трибунале Г. Л. Пятаков, обвиняли подсудимых

Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, представители Коминтерна: Муна, Боканьи, К. Цеткин. Юридически судебный процесс, как отмечают исследователи этого вопроса, был абсурден [3, с. 162]. Во-первых, судили эсеров по законам, принятым уже после инкриминируемых им преступлений. Получалось, что правительство, «само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет – случай небывалый», – писал Ю. О. Мартов [Там же, с. 554-555]. Во-вторых, постановление пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. «О предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р.» было юридическим нонсенсом, так как по закону можно было судить людей, а не учреждения. Кроме того, данное постановление противоречило постановлению ВЦИК от 26 февраля 1919 г., которое амнистировало все социалистические группы, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью. В-третьих, все стадии организации и проведения судебного процесса сопровождалась серьезными процессуальными нарушениями. Недопустимым, например, было то, что Н. В. Крыленко, являясь председателем Верховного трибунала, одновременно являлся и государственным обвинителем на процессе, а все следствие Верховного трибунала возглавляла его жена Елена Розмирович [Там же, с. 71, 172, 178, 186, 417, 634.] Состав сторон на суде тоже был сложен. Защиту обвиняемых вели две группы адвокатов, поскольку обвиняемые были разбиты на две группы. С одной стороны – «раскаявшиеся эсеры». С другой – «нераскаявшиеся эсеры» – члены ЦК А. Гоц, Д. Донской, Л. Герштейн, всего 22 человека. Первых защищали общественные деятели: профессор С. Б. Членов, Р. Катаян, А. А. Биценко, П. Шубин, Н. И. Бухарин, а также представители Коминтерна. Защиту второй группы обвиняемых представляли деятели реформистского социалистического движения: Э. Вандервельде, Т. Либкнехт, К. Розенфельд и известные до-революционные адвокаты Н. Муравьев, А. Тагер, В. А. Жданов и др. После того как иностранные защитники отказались от выполнения своих обязанностей, считая, что своим присутствием они лишь придают видимость законности процессу, то и русские адвокаты отказались от участия в процессе. В результате процесс лишился важнейшего атрибута судебного процесса – состязательности сторон. Общее число обвиняемых достигало 218 человек. Затем были исключены из процесса неразысканные обвиняемые и лица, подлежащие амнистии (давали подписку об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью). В конечном итоге суду по основному делу были преданы 34 человека, главным образом руководители эсеров. Им было предъявлено обвинение в развязывании гражданской войны, в организации вооруженной борьбы с Советской властью, разорении страны и т.п. После 50-дневного судебного разбирательства Верховный трибунал приговорил 14 человек (руководители эсеров) к расстрелу. Десять подсудимых были приговорены к различным срокам тюремного заключения – от 2 до 10 лет. Двое подсудимых были оправданы. 14 января 1924 г. Президиум ЦИК СССР заменил расстрел лишением свободы на 5 лет, остальным срок заключения был сокращен вдвое.

Для окончательной ликвидации партии эсеров потребовался формально-юридический повод. В марте 1923 г. в Москве прошел Всероссийский съезд бывших членов партии эсеров, подготовленный ГПУ, который заявил о «самороспуске» партии. К концу 1923 г. «ликвидационные» съезды были проведены в губерниях и уездах.

В 1923 г. принимается решение о ликвидации меньшевиков. К тому времени меньшевики оставались единственной организацией, помимо РКП(б), которая пыталась действовать на территории всей страны и имела для этого организационную структуру и средства. В секретном циркуляре ЦК РКП(б) от 4 июня 1923 г. ставится задача – «вырвать с корнем меньшевизм, окончательно дезорганизовать и разбить партию меньшевиков» [1, д. 467, л. 44-45]. В результате жестких политико-юридических акций к началу 1923 г. организованная оппозиция в стране перестала существовать. Таким образом, на 1922-1923 гг. приходится завершающий этап политической истории меньшевиков и эсеров. Они ушли в политическое небытие.

Еще одним методом борьбы с инакомыслием была высылка из страны и лишение гражданства. Лишение гражданства было применено впервые в ноябре 1917 г., когда Советское правительство уволило со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности 26 русских дипломатов, отказавшихся признать новое правительство. Все они, не лишённые гражданства юридически, фактически потеряли его, так как в случае возвращения в Советскую Россию подлежали суду революционного трибунала. УК 1922 г. предусматривал высылку из пределов РСФСР в качестве одного из видов наказания за «пропаганду или агитацию в направлении помощи международной буржуазии, которая не признает... коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами». Самовольное возвращение высланного лица за границу в пределы РСФСР каралось расстрелом (ст. 70, 71) [7]. 10 августа 1922 г. ВЦИК принял декрет о высылке. Цель высылки – «изъятие из общества интеллигенции, не придерживающейся марксистских взглядов» [6, № 51, ст. 646]. 16-18 августа произошли массовые аресты среди интеллигенции. С арестованных взяли подписку с обязательством выехать за границу и не возвращаться в Советскую Россию. Среди высланных были социолог П. А. Сорокин, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Е. Трубецкой, историк С. П. Мельгунов и другие. Высылаемые не принимали участия в «контрреволюционной деятельности», к ним невозможно было предъявить юридически обоснованных обвинений. Троцкий объяснял, что «те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших врагов. В случае новых военных осложнений мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно» [5]. Согласно закону от 29 октября 1924 г. советские граждане могли быть лишены гражданства и по приговору суда [9, с. 117-118]. Этим пунктом задним числом законодательно оформлялось лишение гражданства для высланных представителей отечественной интеллигенции.

Борьба с инакомыслием заключалась не только в прямом устранении политических противников, но и в усилении репрессивно-административных мер: преследование в судебном порядке, увольнение с работы и т.п.

УК 1922 г. содержал две статьи – 69 и 70 (ст. 58.13 и 58.15 УК 1926 г.), рассматривавшие контрреволюционную пропаганду и агитацию как тяжкое контрреволюционное преступление. Статьи предусматривали довольно суровое наказание. Так, статья 69-я за призывы к свержению власти или к противодействию правительству определяла наказание в виде лишения свободы не ниже трех лет со строгой изоляцией. Те же действия в военных условиях или при народных восстаниях повышали наказание до высшей меры [7].

В 20-е годы в полной мере проявилась наследственная черта большевизма – нетерпимость к инакомыслию. Для борьбы с политическими противниками было невозможно и нецелесообразно применять общие правовые нормы, поэтому усиливался репрессивный аппарат, действовавший вне правовых рамок. Для легальной юриспруденции создавались политически аранжированные и агрессивные законы. Так, уголовное право стало действенным средством пресечения оппозиционной деятельности и любых форм «небольшевизма». Такова логика слияния права с политической доктриной. Можно утверждать, что именно в 1920-е годы была обоснована в политическом и в юридическом плане необходимость применения насилия, в том числе и террора, по отношению к инакомыслию. Именно в это время советское право приобрело в окончательном виде политическую утилитарность, проявляющуюся в политической составляющей законов, направленных против политических противников и вообще против инакомыслия в целом.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 45.
3. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Правда. 1922. 8 августа.
5. Правда. 1922. 30 августа.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). М., 1922.
7. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (УК 1922 г.). М.: Издательство Наркомюст, 1923.
8. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (УК 1926 г.). М.: Издательство Наркомюст, 1926.
9. Фельштинский Ю. Г. К истории нашей закрытости. М.: Терра, 1991.

FORMATION OF LEGAL FRAMEWORK OF STRUGGLE AGAINST DISSENT IN SOVIET RUSSIA

Nikulin Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
victor.nikulin@mail.ru

The author considers political and legal measures, which were taken by the authorities against non-Bolshevik movements and groups in the 1920s, pays special attention to the use of the legal measures of influence on the Mensheviks and members of the Socialist Revolutionary Party, analyzes the legal-administrative aspects of struggle against hostile parties and their ideology, and comes to the conclusion that the Bolsheviks considered the struggle against political opponents impossible and they also considered impractical to completely apply general legal norms, therefore they intensified repressive apparatus, which operated beyond the legal framework.

Key words and phrases: the Bolsheviks; dissent; law; legal methods; legal process; counterrevolutionary crime; the Mensheviks; members of the Socialist Revolutionary Party; expulsion; censorship.

УДК 314.7

Социологические науки

В статье дается экологическое объяснение феномена кочевничества. Кочевники характеризуются самобытной культурой, сформировавшейся как устойчивый адаптационный комплекс к жизни в степи. Макропаразитическая модель взаимоотношений с оседлыми соседями более двух тысячелетий определяла ход истории на евразийском континенте и послужила триггером многочисленных миграций. Автор рассматривает феномен евразийского кочевничества в предметной области социально-исторической экологии.

Ключевые слова и фразы: пастухи-кочевники; миграция; степная экология; адаптация; экологическое равновесие; макропаразитизм.

Новожилова Елена Олеговна, к. биол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena1572009@rambler.ru

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСКОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ[©]

Арнольд Тойнби относил кочевников Евразии к несостоявшимся цивилизациям. После рождения они остановились в своем развитии, оказавшись раздавлены степью – той природной стихией, на фоне которой